



**Юрий Мори**Иллюстрация **Сергея Дергачева**

# Подарки

— **Т**ибетский чай Капитану! — торжественно сказала Вита, выходя из кухонного отсека. Бог весть, что думали руухе, конструируя корабль, но из камбуза в рубку вел не прямой коридор, а затейливый овальный лаз со скошенным полом и неясного предназначения выступами по краям. Одни светились приглушенными огоньками, другие терялись в полутьме.

Весь звездолет был таким: в целом удобным для людей, но странным по логике исполнения. Нечеловеческим. Зато он мог проникать в уголки Вселенной, недоступные нам технологически не только во время Контакта, но и много лет спустя. Приходилось терпеть: как и почему это летает, люди пока понять не смогли.

На самом деле на корабле хватало и автоматики. В функции Биолога не входило подавать Капитану чай, просто шеф был ей симпатичен чисто по-человечески. В конце концов, они находились в слишком уж замкнутом пространстве, чтобы избегать своих маленьких человеческих слабостей.

От кружки шел пар, пахло пуэром и горячим молоком — все, как любил Капитан.

Пилот слегка скривился, но промолчал. Ему хватало и обычного кофе из автомата: американо, без изысков. Лишь бы с сахаром. Все равно это имитация — на борту отродясь не было ни чая, ни кофе, ни молока. Затейливая работа пищевых — и не только — синтезаторов, способных симитировать что угодно.

— Спасибо, Биолог! — расцвел Капитан, бережно принимая кружку. — Как тебе планета?

Вопрос был не самым умным, но не молчать же: на орбите Кеплер-316-b корабль наматывал витки уже третьи сутки, первые впечатления схлынули, при- тупились в ходе работы с данными многочисленных

датчиков, зондов, расшифровки сведений, время от времени озвучиваемых раскатистым баритоном ис- кина Лёвы.

Бортовой искин тоже был творением руухе, как и весь корабль, но после тщательной настройки зем- ными психологами в общении от человека почти не отличался. Вот и сейчас, перебив открывшую было рот Виту, Лёва громко заявил:

— Планетка — блеск! Атмосфера, температура, гравитация максимально близки к Земле, шеф. Вы- садка по плану, я надеюсь?

Капитан осторожно отхлебнул жирный соленый чай, поставил кружку на столик рядом с пультом. Точнее, не столик, а некий многоступенчатый наплыв теплого пластика: возможно, у руухе он служил местом ритуальных жертвоприношений или подставкой под любимое растение — кто их знает. Но и для кружки место удобное. Тем более что пустая она потом оплывет, растворяясь в пластике, и исчезнет: корабль старался вовсю.

— По земному времени, сегодня тридцать первое декабря, Лёва. Отпразднуем, а числа первого-второго и спустимся. Ты сам там смотри: от океанских зондов информации маловато, да и горная цепь на экваторе пока толком не прощупана.

— Цивилизации там нет, шеф. Клянусь матерью всех транзисторов! Ничего сложнее амёб.

Пилот хрюкнул от смеха:

— В тебе нет транзисторов, парень. Нейрон-кол- лаген, псевдомозг и активный синтез.

Лёва посопел, потом неохотно признался:

— Ну нет... Но это же не мешает ими клясться.

Люди — единственное, что было в рубке от Земли. Абстрактные наплывы, линии, выступы и впадины соз- давали впечатление картины безумного художника, эдакого Дали под психотропными веществами. Даже обзорный экран в самых неожиданных местах был покрыт кляксами, разводами и паутиной наложенного сверху рисунка.

Капитан допил чай, довольно вытер усы и пригладил ежик волос на макушке. Сейчас бы ту самую фу- ражку с разлапистым крабом кокарды да трубку с креп- ким Берли... Но все это пришлось оставить дома — жена попросила не позориться на корабле своими дикарскими привычками.

Через пару часов работы дневная задача была выполнена. С океанами оставался ряд вопросов, но — да, ничего сложнее амёб так и не попало.

— Ладно, команда... И Лёва, естественно. По случаю приближения нового две тыщи двадцать пя- того года волею командира корабля и с разрешения Агентства — да-да, они согласовали — приказываю праздновать. Давай, правнук транзисторов, запускай программу! Подарки в студию. Ну и следи пока сам за пространством, не мне тебя учить.

Искин хохотнул из невидимых динамиков.

Затем что-то негромко хлопнуло, сверху посыпа- лись разноцветные блестящие конфетти, экран с разво-

дами облаков над голубой планетой померк, растворился в неровных стенах рубки. Вместо него вокруг людей возникла голограмма заснеженного поля, на самых краях которого, почти не различимый взглядом, темнел лес. Климатическая установка начала выстреливать в экипаж короткими залпами снежных зарядов, подул ветер. Словно его порывом кресла экипажа развернуло и потащило друг к другу. Они — все трое — сидели теперь не за пультами управления и анализа данных, а вокруг грубо сколоченного деревянного стола посреди снежной феерии. Над головами неярко мерцал фонарь, от него конусом падал желтоватый свет позабытой на Земле лампочки накаливания.

На столе — к черту скатерти, ближе к природе! — искрились отблесками света бокалы, темнели бутылки с разноцветными этикетками, холодной сталью блестяли ножи и вилки на белых пятнах тарелок. Стоящее посреди стола массивное блюдо парило жаром над крупно порезанными ломтями мяса, радовало глаз угловатыми веточками укропа, манило и звало к себе. Аромат рульки перебивал даже запах хвои от возникшей волей бортового искина нарядной елки чуть в стороне от стола. Мишура, гирлянды, цветные пятна игрушек — все было на месте.

Холода не чувствовалось, но обстановка пикника в глубине зимнего леса поражала воображение.

— Обалдеть... — негромко сказал Пилот. — Как на даче у родителей. Только зимой туда не пробраться, дороги чистить дураков нет. Но если бы...

Он замолчал. Капитан довольно улыбался, глядя на команду: все-таки сюрприз. Праздник. Не как-нибудь там и — тем более — везде, понимать надо!

— Алкоголь же на борту запре...

— Сегодня — можно! — перебил Виту Капитан. — Два с половиной года летели, цель достигнута, праздник! Пилот, хорош тарачиться, открывай шампань.

Где-то рядом, в темноте искусной иллюзии, довольно фыркнул Лёва. К его незримому присутствию все давно привыкли.

Пилот взял бутылку и совершенно по-гусарски выпалил пробкой куда-то в заснеженный полумрак, умудрившись не пролить ни капли, разливая вино: бокал Биолога, потом Капитану до краев, следя, чтобы не перелилась пена, а затем уже и себе.

Капитан встал, навис над столом, зажмуриваясь от удовольствия — мясо пахло божественно! — потом начал:

— От имени Земной Федерации, друзья мои, поздравляю вас с Новым годом! Нас всех, даже Лёву. Мы сейчас в дальнем космосе, мы — авангард нерушимого содружества людей и руухе, мы первые на... Гм. Над этой перспективной во всех отношениях планетой! И впереди нас ждет только чередой открытий, свершения на благо разумных обитателей Вселенной. В этой связи, пользуясь случаем, в соответствии с давним договором Брежнева — Форда от одна тысяча девятьсот семьдесят шестого года, а также благодаря данным мне руководством полномочиям...

Он слегка запутался в канцелярских оборотах, но что поделать — Цицерона из него не вышло. Зато командир корабля получился отменный.

Пилот сдерживал улыбку, покачивая бокалом и слушая Капитана. Биолог Вита широко раскрыла глаза, ее тонкие ноздри чуть вздрагивали от колющего аромата шампанского.

— Но даже в этот торжественный день, товарищи звездоплаватели, хочу напомнить о бдительности! Наши дорогие друзья, Ассамблея Руухе, не просто подарили нам все эти технологии и возможности, недаром приняли человечество как равноправного участника своей звездной одиссеи, нет-нет! Мы должны ежесекундно помнить о сверхзадаче, о поиске подходящих мест жизни для нас и наших великодушных могущественных друзей. И — найдя их — немедленно известить Ассамблею о находках. В этом смысл нашей работы, нашей жизни. Некоторые, я подчеркиваю — некоторые — считают, что мы попали в услужение как более отсталая раса, мы — почти дети по сравнению с... Но нет! Ибо... — Он окончательно запутался в словах. Смугился и залпом опрокинул шампанское в рот, словно хорошо охлажденную водку.

— С Новым годом! — буркнул Капитан, садясь. — Где бы мы были, короче, если бы не руухе...

Остальные выпили не так жадно, как командир, но с чувством. Снежные хлопья падали на них, на стол, на горячее мясо, но не долетали, исчезая в последний момент.

Пилот щедро набросал куски сочащейся жиром рульки на тарелки. Выпили еще раз, без тоста. Потом еще. Фонарь по-прежнему создавал уют, снежная равнина вокруг уходила в темноту, туда, к придуманному лесу.

— Я вполне могу вам показать, где бы и кем вы были сейчас, — неожиданно сказал Лёва. Голос его звучал почему-то приглушенно, в словах сквозила непривычная для него грусть. — Простенькая задача. Убираем из жизненного пути Контакт — и все...

... Давным-давно уже бывший капитан Метельский вытер вспотевшее лицо рукавом ватника. От стеганой ткани воняло, но уж лучше так: едкие соленые капли заливали глаза, щипали и мешали смотреть.

— Кончай волынить, Серега! — откуда-то сбоку рявкнул бригадир. — Родине нужен лес, а не ленивые ээка.

И сказать в ответ нечего. Тем более что говорить он не мастер. Метельский вздохнул и потащил массивный крюк погрузчика к сложенной на просеке связке бревен, перетянутых толстой проволокой. Не дай Бог, рассыплются при подъеме — мякнуть не успеешь. Так и похоронят, кровавой лепешкой. В лагере возиться с покойниками некому, красоту наводить.

Дизель погрузчика тархтел рядом, обдавая смрадом выхлопных газов. Бригадир уже отошел,

подгоняя кого-то другого. Цепь над крюком лязгала, с нее сыпались куски ржавчины, ледышки и кора от предыдущих бревен.

Седьмой год на зоне. Пусть для бывших сотрудников, пусть без изуверских зэковских понятий, но... Лагерь есть лагерь, никак не пионерский. Да и нет уже давно никаких пионеров, как Союз развалился, так и кончились. Теперь каждый сам за себя, а в ответ на «Будь готов!» отвечают: «Ага, давай!», протягивая липкие ладошки. Он вот так и влетел в девяносто восьмом, протянул... Взятка в особо крупном? А вы, сволочи, на капитанскую зарплату прожить не пробовали, особенно после кризиса, когда ее на четыре блока сигарет едва хватало? Молчите тогда уж. Мол-чи-те. Просто вас не поймали.

Налетевший ветер смахнул едкий выхлоп погрузчика в сторону, немного подсушил мокрый лоб, но и только. Крюк зацепился за проволочную петлю, потащил бревна вверх. Метельский отскочил назад, поглядывая на качающиеся над головой стволы.

Снег, чертов мордовский снег под ногами, вытопанный сапогами зэков уже до блестящего катка.

Метельский поскользнулся и плюхнулся на задницу. Хотелось откинуться на спину, закрыть глаза и помечтать о том, что все могло быть совсем не так — не еще полтора года этих долбанных стволов, крюков, выхлопных газов и мерзкой баланды, а что-то гораздо лучше, светлее, чище...

Звезды? Их здесь и не видно...

**К**апитан вздрогнул, машинально вытер совершенно сухой лоб рукавом форменной рубашки и открыл глаза.

Пилот откинулся на спинку кресла, его трясло, как в лихорадке: руки били по столу, сметая тарелки, недопитые бокалы, звенели упавшие в темноту вилки-ножи.

— Пэ-э-эр-ка! — орал он. — Уводи машину, уводи! Чехи!! Твари... — Он захлебнулся криком, тело выгнулось, чудом не соскользнув под стол вслед за разбитой посудой. Пилот хрипел, из-под стиснутых на прикушенной губе зубов сочились капли крови, темной, почти черной в праздничной полутьме. — Шатой, — вдруг совершенно спокойно сказал он. — Это было там.

Вита, вместо того чтобы помочь, как ей и полагалось по штатному расписанию — биолог и врач, как иначе? — вскочила с места и закрыла лицо руками, пятясь все дальше и дальше от стола.

— Не трогай меня... Не трогай... — иступленно шипела она. — Не трогай, гад! Убери нож, псих, убери! Нет у меня денег. Милиция! — Последнее слово она даже не выкрикнула — выдохнула на пределе, разрывая легкие. Резко согнулась, словно ее ударили в живот. Вздрогнула, едва не упав. После этого только стонала, ни слов у нее не было, ни сил эти слова зачем-то произносить вслух.

— Лёва, выключай это все! Выключай к чертовой матери, говнюк! — заорал Капитан. Иллюзия другой жизни от искина оказалась слишком неожиданной. О чем там думают эти великомудрые руухе? О чем думала команда земных психологов, если допустила такое!

— Принято, Капитан, — откликнулся баритон. — А что не так?

Рубка приобрела прежний вид, ни следа от иллюзорного пространства, фонаря, стола и посуды. Чистый дизайн руухе, похожий на кошмар сюрреалиста.

— Зачем ты это нам показал? — взревел Капитан, вскакивая с места и бросаясь на помощь к Пилоту: тот грузно осел в кресле, откинув голову назад. На висках вздулись вены, из прикушенной губы стекала струйка крови.

Лёва задумчиво помычал, будто подыскивая слова. Потом заговорил:

— Вы же спросили, что было бы, если б не руухе? Вот я и... Думал, вам понравится. Пилот, правда, до две тысячи двадцать пятого не дожил, его вертолет сбили в нулевом. А так все вполне достоверно. Биолога спасли, три ножевых, но... А вас, шеф, выпустили досрочно. За ударный труд.

— И на кой черт нам твоя достоверность?!

Вита выпрямилась. Походкой деревянной куклы, безвольно опустив руки, сделала несколько шагов, потом снова согнулась, пошатнулась и осела на пол: кульком, будто из марионетки резко выдернули все ее стержни. Покрытие рубки приподнялось, пошло буграми, наспех соорудив поддержку для ее ослабшего тела. Биолог откинулась на эти выросты и замерла.

— Вы же должны знать, что жизнь удалась, — ответил искин. — Такие подарки иногда надо делать каждому, так велели создатели, а руухе не могут ошибаться. Шампанское и мясо я припрятал, если что. Не переживайте.

В рубке вновь возникла голограмма елки. На этот раз она медленно вращалась вокруг своей оси, бросая на лица людей блики света от гирлянд, качающихся шаров и еле слышно шуршащей мишуры. На лица авангарда человечества, которое даже не знает, каким мог быть иной путь.